
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

LEGAL EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION IN FOREIGN AND NATIONAL LEGAL SYSTEMS

УДК 342.7

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(4).824-832

МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

У.Б. Филатова¹, А.С. Архипкина¹, С.Ю. Некрасов², И.В. Архипкин²

¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

23 марта 2017 г.

Дата принятия в печать

27 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения

15 декабря 2017 г.

Ключевые слова

Медиация; примирение между преступником и жертвой; уголовный процесс; уголовное право; восстановительное правосудие

Аннотация. В статье рассматривается опыт применения медиации в Федеративной Республике Германия по делам, вытекающим из уголовно-правовых отношений. Проведение сравнительно-правового исследования обусловлено обсуждаемым реформированием института медиации в России, а также развитием служб медиации, занимающихся урегулированием споров между жертвой и несовершеннолетним правонарушителем, в том числе не достигшим возраста уголовной ответственности. Используя сравнительно-правовой метод, авторы осуществляют исследование нормативно-правовых актов как наднационального уровня (Рекомендация № R (99) 19, принятая комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г.), так и национального (УК и УПК ФРГ), закрепляющих основные требования к проведению процедуры медиации, статус ее инициаторов и субъектов, основания, принципы и порядок ее проведения, а также ее правовые последствия. Подробному анализу подлежат категории преступлений, по которым возможно проведение процедуры медиации. Отмечается, что примирение между преступником и жертвой с большей вероятностью достижимо, если преступник молод, совершил преступление впервые и более или менее случайно, свою вину признал. Анализируются стадии проведения процедуры медиации, их этапы, цели, содержание и результат, на достижение которого они направлены. К недостаткам применения медиации в уголовном процессе авторы относят сложность установления истинных мотивов обращения преступника к медиации, возможность привлечения медиатора судом в качестве свидетеля для дачи показаний против виновного, риск несоблюдения условий достигнутого соглашения и т.д. Делается вывод о том, что положительный опыт применения медиации в ювенальной юстиции, а также легальное допущение примирения как способа преодоления негативных последствий преступления неизбежно детерминируют ее применение в российском уголовном процессе.

MEDIATION IN CRIMINAL PROCESS: THE ANALYSIS OF LEGAL REGULATION IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Uliana B. Filatova¹, Anastasiia S. Arkhipkina¹, Sergey Yu. Nekrasov², Igor V. Arkhipkin²

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2017 March 23

Accepted

2017 November 27

Available online

2017 December 15

Abstract. The paper examines the experience of using mediation in the Federative Republic of Germany for criminal law cases. This comparative legal study is valuable in connection with the discussions of reforming the institute of mediation in Russia, and the development of mediation services that regulate disputes between victims and juvenile offenders, including those who have not reached the age of criminal liability. The authors use the comparative legal method to research the normative legal acts of both the supranational level (Recommendation № R (99) 19, adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on Sept. 15, 1999) and the national level (the Criminal and the Criminal Procedure Codes of the Federal Republic of Germany) that

© У.Б. Филатова, А.С. Архипкина, С.Ю. Некрасов, И.В. Архипкин, 2017

Keywords

Mediation; reconciliation between the criminal and the victim; criminal process; criminal law; restorative justice

enumerate key requirements for mediation procedure, the status of its initiators and subjects, its basis, principles and order, as well as its legal consequences. The authors present a detailed analysis of the categories of crimes for which mediation is possible. They note that reconciliation between the offender and the victim is more likely if the perpetrator is a young first-time offender whose crime is to a greater or a lesser degree accidental, and has admitted his/her guilt. The authors also analyze the stages of the mediation procedure, their structure, goals, contents and the result they are aimed at. The drawbacks of mediation in the criminal process include the difficulty of determining the true motives behind the offender's desire to use mediation, the possibility of calling the mediator as a witness in court to testify against the accused, the risk that the agreement conditions will not be observed, etc. The authors conclude that the positive experience of using mediation in juvenile justice as well as the legal possibility of using mediation as means of overcoming negative consequences of crime inevitably determine its use in Russian criminal process.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ действует более пяти лет, и уже можно говорить об определенных результатах и проблемах его реализации. Несмотря на то что в постановлении VIII Всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» от 19 декабря 2012 г. отмечается, что внедрение и развитие альтернативных способов разрешения споров по различным категориям дел призваны повысить качество правосудия и обеспечить надежные гарантии прав граждан на судебную защиту в разумные сроки, практику применения процедуры медиации в нашей стране нельзя назвать распространенной. Иллюстрацией продолжительного успешного применения института медиации служит опыт иностранных государств, в первую очередь Федеративной Республики Германия. Выход за рамки национального видения права является главным требованием в развитии российского права на современном этапе и отражает нарастающую тенденцию к интеграционным процессам. Наличие в правовом порядке Германии общих родовых признаков, обусловленных принадлежностью к романо-германской системе права, детерминирует успешность фрагментарной правовой аккультурации российского института медиации нормами права европейских государств [1, с. 7]. Обращение к иностранному опыту применения медиации позволит по-новому взглянуть на некоторые его аспекты, и прежде всего в уголовном процессе, исключенном российским законом из сферы ее

действия. Иностраный опыт приобретает особое значение в свете широко обсуждаемого реформирования института медиации в России².

Настоящее исследование посвящено опыту применения процедуры медиации в Федеративной Республике Германия. В Европейском союзе на официальном уровне признано, что примирительные процедуры нельзя игнорировать и не стоит ими пренебрегать. Растет понимание того, что данные процедуры появились не по «велеанию моды», а вызваны требованием самой жизни и что необходимо политическими и правовыми мерами обеспечить их развитие в русле права [2, с. 174]. С этим связано появление наднационального уровня регулирования медиации в странах Европейского союза. Так, рекомендация № R (99) 19, принятая комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г., определяет медиацию по уголовным делам как процесс, в рамках которого пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их добровольного согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления³. Необходимо уточнить, что «речь идет о разрешении конфликтов, относящихся к области публичного права. Стороны участвуют в разрешении ситуации, но окончательное (юридическое) решение по делу (с учетом достигнутого соглашения) принимает официальный субъект» [3, с. 141].

Национальный уровень регулирования медиации по уголовным делам представлен § 155a

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с необходимостью совершенствования медиативной практики : проект федер. закона. URL: <http://fedim.ru/institut/ovnesenii-izmenenij-v-zakonodatelnye-akty-rf>.

³ Приложение к Рекомендации № R (99) 19. I. URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-345>.

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 г.) // Российская газета. 2010. 30 июля.

и § 155б Уголовно-процессуального кодекса Германии и § 46а Уголовного кодекса Германии.

Согласно § 155а УПК Германии, прокурор и судья должны в каждой стадии процесса рассматривать возможность достижения примирения между виновным и пострадавшим. В тех делах, где примирение достижимо, они предпринимают усилия в этом направлении. Параграф 155б УПК Германии регулирует порядок реализации примирения. Прокурор и судья могут передать персональные данные, необходимые в целях достижения примирения между преступником и жертвой или возмещения вреда, по официальной инициативе или по ходатайству. Эти документы и содержащаяся в них информация могут использоваться исключительно в целях примирения сторон и возмещения вреда. Уполномоченный на медиацию орган вправе обрабатывать и использовать информацию, представленную для медиации, в объеме, не противоречащем интересам данных лиц и необходимом для осуществления примирения между преступником и жертвой или возмещения ущерба. Документы, содержащие персональные данные и используемые в процессе медиации, должны быть уничтожены уполномоченным органом по истечении одного года с момента вынесения приговора по уголовному делу. Прокурор или суд должен незамедлительно уведомить уполномоченный орган о дате закрытия производства по делу.

Согласно нормам § 46а УК Германии, если преступник примирился с потерпевшей стороной, возмещение вреда требовало от него значительного личного участия или личного смирения, при этом вред жертве возмещен полностью или почти полностью, то суд, руководствуясь нормами § 49 УК Германии, может смягчить наказание или, если наказание не выше, чем лишение свободы на один год или денежный штраф до 360 дневных ставок, освободить от наказания.

Освобождение от наказания или его смягчение мотивирует преступника на примирение с потерпевшим и добровольное полное возмещение вреда. Примирение между преступником и жертвой — это естественная форма разрешения конфликта, единственно возможная без вмешательства государства, пришедшая на смену кровной мести, единственным способом поддержания мира в которой являлось отмщение посредством совершения нового преступления. Кровная месть часто вела к ответному насилию и кровавым междоусобицам. В обществе, состо-

ящем из небольших, тесно взаимодействующих между собой общин, поддержание добрососедских отношений было жизненно важным. В этих условиях переговоры и компенсации имели куда больше смысла, чем насилие [4, с. 120]. Именно поддержание и восстановление мира являлись основной целью древнего права [5, с. 59]. Подтверждение этой мысли можно найти в древнейших источниках. Так, в законах вавилонского царя Хаммурапи (который основной целью провозглашал искоренение зла и злодеев), содержавших знаменитое правило «зуб за зуб», была предусмотрена возможность добиться прекращения дела и избежать несения наказания за причиненный ущерб, в том числе наказаний членовредительных, путем заключения договора о выплате компенсации [2, с. 25]. Воинственные германские варвары, жившие до столкновения с римской цивилизацией при родовом строе, обсуждали заключение мира на ритуальных пиршествах [6, с. 10]. Такие правила урегулирования споров стали ядром обычного права. Нельзя не отметить, что и источники права Древнего Рима содержали примеры восстановительного правосудия. Известный российский романист XIX в. С.А. Муромцев писал, что в Законах XII таблиц прослеживается переход от применения кровной мести к принципу равного воздаяния. «Научившись подчинять первые порывы страсти рассудку и соблазняясь получением имущественных выгод, пострадавший мирится с обидчиком за известное имущественное удовлетворение; власть покровительствует таким мирным сделкам и постепенно превращает их в обязательные; обычай и закон вырабатывают таксу штрафов» [7, с. 92].

Однако стоит заметить, что примирение преступника с жертвой как правовая норма не сохранилось даже до позднего Средневековья. Связано это с формированием государственного устройства и сосредоточением государственной власти в руках государства. И до сих пор господствующий вид наказания — это наказание, исходящее от государства. С одной стороны, такая ситуация служит цели правовой определенности, с другой стороны, так государство реализует и демонстрирует свою власть над обществом.

Первые теоретические обоснования целесообразности внедрения процедуры примирения между преступником и жертвой можно найти уже в трудах всемирно известных теоретиков права Иммануила Канта и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

В 1990 г. схема примирения преступника и потерпевшего и возмещения вреда была введена в ювенальной юстиции. В 1992 г. рабочая группа, состоявшая из немецких, австрийских и швейцарских преподавателей уголовного права, представила альтернативный проект о возмещении вреда, предусматривающий всестороннее регулирование процедуры примирения преступника и жертвы в рамках уголовного права в целом. Доказанная эффективность процедуры примирения на примере ювенальной юстиции предопределила ее имплементацию в 1994 г. в § 46а УК Германии. Позже, в 2000 г., ее регулирование было дополнено нормами процессуального законодательства — § 155а и § 155б УПК Германии.

Примирение между преступником и жертвой основано на идее восстановительного правосудия и является самым ярким ее воплощением. Немецкое уголовное право строится на двух принципах — абсолютная теория уголовного наказания и относительная. Абсолютная теория исходит из того, что наказание — это ответные меры государства на преступление. Согласно относительной теории, наказание играет роль предупреждения совершения новых преступлений, угроза наказания служит сдерживающим фактором, предотвращающим другие преступления. Государство осуществляет свою исключительную монополию на осуществление наказания, возможность применения возмездия. Наказание — это вмешательство государства в отношения между жертвой и преступником, однако воздействие этого вмешательства ощущает только преступник. Он будет наказан, а его жертва останется без должного внимания, поскольку в контексте криминальных теорий влияние на жертву оказывается только в виде превентивных мер, направленных на предотвращение совершения дальнейших преступлений, а значит, ориентировано в большей степени на будущих жертв, а не на уже существующих. Процедура примирения преступника и жертвы призвана помочь именно жертве преступления, а также сбалансировать наказание правонарушителя, принимая во внимание его последующее отношение к жертве. Это не может быть сделано в обычном уголовном процессе, поскольку в нем государство осуществляет функцию карателя. Потерпевший в процедуре примирения (в отличие от суда, в котором он участвует в основном только как свидетель преступления, рассказывая в деталях произошедшее) воспринимается с учетом его эмоционального состояния и ма-

териальных требований. Примирение между преступником и жертвой основано на идее гражданской компенсации вреда, поскольку возместить вред жертве можно только в материальной форме.

Примирение между преступником и жертвой приводит к урегулированию конфликта, рассматривается как дополнение к наказанию и выполняет третью функцию — компенсационную, причем направленную не на компенсацию и восстановление общественного порядка, а именно на возмещение ущерба для эмоциональной и имущественной сфер потерпевшего.

Важно отметить, что в процедуре медиации преступник и жертва сохраняют возможность действовать независимо друг от друга, они не являются субъектами формальной процедуры, а сохраняют автономность и могут принимать самостоятельные решения относительно того, в какой форме будет осуществляться процедура, каким будет ее содержание и результаты [8, S. 389].

Первостепенное значение в процессе осуществления примирения придается установлению связи между участвующими сторонами. Вместе они должны рассказать о произошедшем. Каждая из сторон имеет возможность описать, каким образом она пережила все обстоятельства дела и к каким последствиям привело совершение преступного деяния. Это необходимо для достижения эмоционального равновесия и прочного урегулирования конфликта [9, p. 123].

В отличие от уголовного процесса, в медиации стороны воспринимают друг друга не как противников, а как союзников в деле урегулирования конфликта [10, S. 47].

Примирением преступника и жертвы достигаются следующие цели: дружественное урегулирование конфликта между преступником и жертвой; учет и принятие во внимание проблем обеих сторон; уменьшение негативных последствий существующего конфликта и профилактика будущих; обеспечение автономии воли сторон в конфликте; выполнение согласованной сторонами схемы проведения процедуры и реализация ее результатов; избежание несправедливости [11, S. 46].

Необходимым условием для применения процедуры медиации между преступником и жертвой является их добровольное согласие. Примирение по принуждению не представляется возможным, потому что разрешение конфликта требует, по крайней мере, частичного учета аргументов другого человека. Таким об-

разом, медиация должна рассматриваться как предложение, которое может быть отвергнуто в любое время, что особенно значимо для жертвы, которая принимает решение свободно, без какого-либо социально-психологического давления на нее в сторону применения процедуры медиации [3, S. 54].

Параграф 155а УПК Германии акцентирует внимание на том, что процедура медиации между преступником и жертвой применяется по инициативе прокурора или суда только в отдельных случаях, когда ее использование целесообразно. Таким образом, закон не содержит исчерпывающего, закрытого перечня преступлений, предусматривающего возможность примирения, но призывает руководствоваться здравым смыслом, оценивая каждую ситуацию отдельно.

Практика сформировала три аспекта положительного решения вопроса о целесообразности применения процедуры медиации в уголовном процессе. Во-первых, вид преступления. В соответствии с основополагающим решением Совета Европейского союза «О месте жертв преступлений в уголовном судопроизводстве» от 15 марта 2001 г. (ч. 1 ст. 10) каждая страна-участница должна стараться содействовать медиации в уголовных делах для правонарушений, которые она сочтет подходящими для такого рода меры. Ни Европа, ни мировое сообщество не диктуют отдельным государствам, по каким категориям дел допустимы программы примирения [12].

Некоторые преступления уже по определению исключают возможность примирения, например убийство. Помимо этого очевидного примера, примирение преступника и жертвы и в других случаях не всегда является оптимальным способом ведения уголовного процесса. Примирение как таковое должно подразумевать особый образ мысли преступника, его раскаяние в содеянном, то, что преступление могло быть совершено в состоянии аффекта, а не как хладнокровный, преднамеренный акт. С другой стороны, жертва также должна быть готова к диалогу. Соответственно, те преступления, которые являются относительно умеренным нарушением положения жертвы, определяют готовность жертвы к примирению.

Статистика показывает, что преступления небольшой и средней тяжести могут быть подввергнуты процедуре медиации. Однако не исключаются и тяжкие преступления, так как и в этих случаях преступник может раскаяться, а жертва — преодолеть свой страх. Более того,

практика знает случаи примирения, когда убийство было совершено в отношении нескольких потерпевших, среди которых оказались выжившие. В ряде стран (например, в Бельгии) есть доктринальное обоснование примирения в этих случаях: ученые считают, что проведение процедуры медиации позволяет жертве легче пережить произошедшее и достичь некоторого взаимопонимания [8, S. 389].

Во-вторых, вопрос применения медиации в уголовном процессе не может зависеть только от вида преступления. Решающим фактором является характеристика преступника. Как уже отмечалось выше, более «подходящими» являются преступники, действующие под влиянием эмоционального состояния, а также те, чьи преступления были скорее «ошибкой». Хладнокровный хищник не подходит для медиации, в отличие от «вишневого вора», не совладавшего с соблазном. Преступник, совершивший преступление впервые, больше готов к примирению с жертвой, чем рецидивист.

Кроме того, статистические данные наглядно показывают, что в основном медиация между преступником и жертвой используется у молодых правонарушителей. Чем старше преступник, тем менее вероятной будет возможность примирения.

Исходя из вышеизложенного, примирение между преступником и жертвой с большей вероятностью достижимо, если преступник молод, совершил преступление впервые и более или менее случайно.

Третьим фактором, влияющим на возможность применения медиации в уголовном процессе, является признание своей вины самим преступником или ее абсолютная доказанность. Медиатор не является экспертом и не может сам проводить расследование [13, S. 143].

Одной из целей примирения преступника и жертвы является защита жертвы, чего можно добиться, только если роли обеих сторон фиксированны. Если в процессе примирения преступник будет отрицать свою вину, то примирения достичь будет невозможно, поскольку жертва будет чувствовать себя повторно обиженной. Чтобы избежать подобных недоразумений, к медиации между преступником и жертвой можно обращаться, только если есть неопровержимые доказательства виновности или преступник признает свою вину.

Возможность применения медиации в уголовном процессе обусловлена совокупностью

всех трех названных элементов, а сама процедура нацелена на обоюдное добровольное урегулирование конфликта, а также на ведение переговоров о возмещении вреда при помощи нейтрального посредника.

Процедура медиации состоит из предварительной стадии, в рамках которой каждой стороне по отдельности объясняется ход процедуры, а также возможные альтернативы, среди которых в первую очередь — это гражданский иск о возмещении вреда.

Вторая стадия проходит в рамках так называемой реституционной конференции, на которой стороны встречаются и имеют возможность обсудить произошедшее. Особенностью этой формы взаимодействия является то, что обе стороны могут показывать свои эмоции и чувства, в отличие от судебного процесса, где обсуждаются только факты, обстоятельства дела. В медиации участники имеют возможность работать до момента достижения лучшего для них результата, который оценивается с учетом не только рационального, но и эмоционального восприятия. На первом этапе посредничества медиатор предоставляет возможность обеим сторонам высказаться, пояснить свое мнение о случившемся. Медиатор сталкивается со сложной задачей, поскольку рассказы и виновника, и жертвы могут быть слишком эмоциональными. Жертва чувствует бессилие перед преступником; даже несмотря на то что преступление уже завершилось, преступник по-прежнему может рассматриваться как угроза. С другой стороны, большинство преступников чувствуют себя отстраненными от общества, социально неинтегрированными, как и раньше. Таким образом, противоправность деяния представляет собой двусторонний барьер, который необходимо преодолеть. С психологической точки зрения важно, чтобы эти различные отношения двух сторон были понятны медиатору, поскольку это облегчит посредничество на следующей стадии.

Следующим этапом работы медиатора является непосредственное урегулирование конфликта. Оно возможно только через раскаяние преступника и его искренние извинения. Благодаря этому будет восстановлен баланс в отношениях, поскольку жертва воспринимает себя как слабую сторону, а извинение как раз показывает символическую слабость преступника. Преступник же чувствует через прощение жертвы восстановление своего положения в обществе. Это приводит к устранению конфликта между пре-

ступником и жертвой, снижению тревожности у жертвы, восстановлению социального статуса и общественного признания преступника, создает предпосылки успешной работы в направлении возмещения вреда.

Третьим этапом проведения медиации являются переговоры о возмещении вреда. На данном этапе должны быть найдены пути и средства для возмещения ущерба потерпевшему, для формулирования условий обязательного для сторон соглашения. Форма возмещения ущерба преступником может быть любой, даже символической (денежное возмещение, отработка определенного количества часов на общественно полезных работах, искреннее раскаяние и пр.), главное требование — она должна удовлетворять потерпевшую сторону. Условия, форма и размер возмещения закрепляются в договоре, являющемся обязательным для обеих сторон и выполняющем доказательственную функцию в суде в подтверждение факта примирения и возмещения вреда.

Третья стадия процедуры примирения посвящена заключению итогового соглашения, содержащего исчерпывающий набор взаимосогласованных условий, сформулированного в точном соответствии с требованиями закона и подписанного обеими сторонами.

При проведении процедуры медиации должны соблюдаться все принципы классической медиации [14].

Результаты соглашения медиатором доводятся до прокурора, поскольку они повлияют на меру ответственности, либо полностью исключив наказание, либо смягчив его до возможного низшего предела.

Примирение между преступником и жертвой, предусмотренное уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Германии, называют модифицированной формой классической медиации. Несмотря на общую классическую идею разрешения конфликта с привлечением третьей независимой стороны — медиатора, примирение преступника и жертвы обладает значительными отличиями.

Если целью применения медиации является мирное урегулирование спора, то примирение в уголовном процессе преследует цель реституции и искреннего деятельного раскаяния, покаяния преступника, восстановление справедливости и баланса между преступником и жертвой. С точки зрения процессуальных особенностей классическая медиация осуществляется по ини-

циативе сторон вне зависимости от судебного процесса, на любой его стадии, если таковой уже наличествует. Для ее начала или окончания достаточно только инициативы сторон. Примирение между преступником и жертвой иницируется прокурором или судом, применимо только в «подходящих» для этого случаях и протекает до вынесения окончательного приговора судом, поскольку итоговое соглашение между преступником и жертвой учитывается при определении вида и размера наказания.

Несмотря на все достоинства примирения как альтернативы государственному наказанию и возможности смягчения уголовного наказания для преступника, есть основания для существенной критики этого способа. Так, в частности, отмечается, что, во-первых, истинной мотивацией обращения преступника к медиации в уголовном процессе является не возможность извиниться и заглавить свою вину посредством возмещения вреда, а желание полностью или частично избежать более суровых санкций, что существенно снижает ценность процедуры. Во-вторых, в случае если примирение не состоялось и стороны так и не достигли соглашения, медиатор может быть привлечен судом в качестве свидетеля для дачи показаний против виновного, что снижает уровень доверия к нему преступника во время процедуры медиации [15, S. 134f].

Немецкие ученые отмечают, что медиация в уголовном процессе до сих пор мало распространена, и это отчасти связано как с несовершенством правового регулирования и необходимостью фундаментальной реформы, предназначенной для интеграции медиации в уголовное право, так и с тем, что стороны, участвующие в такого рода процедуре, недостаточно осознают ее значение и воспринимают ее лишь как реальную альтернативу обычному уголовному процессу [8, S. 390; 16, S. 161–162; 17, S. 4]. Кроме того, всегда остается риск несоблюдения условий достигнутого соглашения.

В заключение хотелось бы отметить, что российскому законодательству в целом не чужда мысль о применении процедуры медиации в сфере уголовного права. Это утверждение в полной мере справедливо в первую очередь в отношении несовершеннолетних (ст. 90, 91 УК РФ), для которых предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 и 431 УК РФ). В качестве одной

из принудительных мер закон предусматривает возложение обязанности заглавить причиненный вред (п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ). Тенденцией развития ювенальной юстиции является применение именно термина «медиация», а не «примирение», поскольку идеи восстановительного правосудия приобретают здесь особое значение. Так, «Концепцией развития до 2017 года сети служб медиации для восстановительного правосудия в отношении детей, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» восстановительное правосудие определено как новый подход к отправлению правосудия, направленный прежде всего не на наказание виновного путем изоляции его от общества, а на восстановление материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, нанесенного жертве, сообществу и обществу, на осознание и заглаживание вины, восстановление отношений, содействие реабилитации и ресоциализации правонарушителя⁴.

Кроме того, необходимо отметить, что и действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России содержит потенциал использования примирительных процедур [18, с. 51]. Сюда относятся в первую очередь ст. 25 УПК РФ, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности за примирением лиц, совершивших впервые преступления не только небольшой, но и средней тяжести, ч. 1 ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ («Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием»), ч. 2 ст. 20 УПК РФ, согласно которой примирение влечет обязательное прекращение уголовного дела, и мировой судья обязан разъяснить сторонам возможность примирения (ч. 5 ст. 319 УПК РФ).

По меткому выражению И.Г. Смирновой, «уголовное судопроизводство может выступать не только сферой конфликта интересов, но и инструментарием примирения» [19, с. 250]. Вспомнив ретроспективный аспект становления института медиации в уголовном процессе в иностранных правовых порядках, можно предположить, что положительный опыт применения медиации в ювенальной юстиции, а также легальное допущение примирения как способа преодоления негативных последствий преступления неизбежно детерминируют ее применение в российском уголовном процессе.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-п. URL: <http://m.government.ru/docs/14110>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филатова У.Б. Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России: сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / У.Б. Филатова. — М., 2015. — 437 с.
2. Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции / Д.Л. Давыденко. — М. : Инфотропик Медиа, 2013. — 232 с.
3. Haider A. Konflikte regeln, statt strafen! Über einen Modellversuch in der österreichischen Jugendgerichtsbarkeit / A. Haider [u.a.]. — Wien : Verlag für Gesellschaftskritik, 1988. — 121 S.
4. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Х. Зер. — М. : Судеб.-правовая реформа, 2002. — 328 с.
5. Исаев М.А. Лекции по истории русского права и государства. Вып. 1: Лекции I–V / М.А. Исаев. — М. : МГИМО, 1996. — 200 с.
6. Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии / В.Я. Петрухин. — М. : АСТ, 2012. — 440 с.
7. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима / С.А. Муромцев. — М. : Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1883. — 732 с.
8. Seitz N. Erster Periodischer Sicherheitsbericht [Electronic resource] / N. Seitz, R. Kiel, U. von Kiedrowski. — Berlin : BMI, 2001. — Mode of access: <https://www.forumkriminalpraevention.de/zeitschrift/archiv/Kiedrowski.pdf>.
9. Shnabel N. A Needs-Based Model of Reconciliation / N. Shnabel, A. Nadler // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2008. — Vol. 94, no. 1. — P. 116–132.
10. Rössner D. Mediation und Strafrecht / D. Rössner // *Mediation für die Praxis: Recht, Verfahren, Trends* / Hrsg. D. Stempel. — Berlin : Haufe-Verlag, 1998. — S. 42–54.
11. Hofinger V. Legalbiografien von neustart Klienten: Legalbewährung nach Außergerichtlichem Tatausgleich, Gemeinnütziger Leistung und Bewährungshilfe : Forschungsbericht / V. Hofinger, A. Neuman. — Wien : Instituts für Rechts und Kriminalsoziologie, 2008. — 80 S.
12. Прайс М. Может ли правосудие возникнуть в результате медиации? [Электронный ресурс] / Марти Прайс // *ADR Report*. — 1997. — 29 окт. — Режим доступа: <http://docplayer.ru/424884-Mozhet-li-pravosudie-vozniknut-v-rezultate-mediacii.html>.
13. Netzig L. «Brauchbare» Gerechtigkeit. Täter-Opfer-Ausgleich aus der Perspektive der Betroffenen / L. Netzig. — Hannover : Forum Verlag Godesberg, 2000. — 182 S.
14. Архипкина А.С. Медиация как способ защиты прав и свобод человека и гражданина / А.С. Архипкина // *Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Экономика и право*. — 2011. — № 2. — С. 287–288.
15. Janke M. Der Täter-Opfer-Ausgleich im Strafverfahren. Zugleich ein Beitrag zu einer kritischen Strafverfahrenstheorie / M. Janke. — Saarbrücken : Verlag Dr. Kovac, 2004. — 156 S.
16. Schütz H. Die Rückfälligkeit nach einem Außergerichtlichen Tatausgleich bei Erwachsenen / H. Schütz // *Österreichische Richterzeitung*. — 1999. — No. 77. — S. 161–166.
17. Trenczek T. Mediation und Täter-Opfer-Ausgleich. Wesensmerkmale und fachliche Standards / T. Trenczek // *Zeitschrift für Konfliktmanagement*. — 2016. — No. 1. — S. 4–8.
18. Некрасов С.Ю. Судебное усмотрение как обязанность судьи / С.Ю. Некрасов // *Российский судья*. — 2016. — № 11. — С. 51–55.
19. Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства / И.Г. Смирнова. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 352 с.

REFERENCES

1. Filatova U.B. *Institut prava obshchei sobstvennosti v stranakh romano-germanskoi pravovoi sem'i (Germanii, Avstrii, Shveysarii, Frantsii i Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie)*. *Dokt. Diss.* [The institute of common property law in the Romano-Germanic legal family countries (Germany, Austria, Switzerland, France and Russia: a comparative legal study). *Doct. Diss.*]. Moscow, 2015. 437 p.
2. Davydenko D.L. *Primiritel'nye protsedury v evropeiskoi pravovoi traditsii* [Reconciliatory Procedures in the European Legal Tradition]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2013. 232 p.
3. Haider A., Leirer H., Pelikan C., Pilgram A. *Konflikte regeln, statt strafen! Über einen Modellversuch in der österreichischen Jugendgerichtsbarkeit*. Wien, Verlag für Gesellschaftskritik, 1988. 121 S.
4. Zehr Howard. *Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice*. Scottsdale, PA, Herald Press, 1990. 271 p. (Russ. ed.: Zehr H. *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyi vzglyad na prestuplenie i nakazanie*. Moscow, Sudebno-pravovaya reforma Publ., 2002. 328 p.).
5. Isaev M.A. *Leksii po istorii russkogo prava i gosudarstva* [Lectures of the History of Russian Law and State]. Moscow State University of International Relations Publ., 1996. Iss. 1. 200 p.
6. Petrukhin V.Ya. *Mify drevnei Skandinavii* [The Myths of Ancient Scandinavia]. Moscow, AST Publ., 2012. 440 p.
7. Muromtsev S.A. *Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima* [The Civil Law of Ancient Rome]. Moscow, A.I. Mamontov i K^o Publ., 1883. 732 p.
8. Seitz N., Kiel R., Kiedrowski U. von. *Erster Periodischer Sicherheitsbericht*. Berlin, BMI, 2001. Available at: <https://www.forumkriminalpraevention.de/zeitschrift/archiv/Kiedrowski.pdf>. (In German).
9. Shnabel N., Nadler A. A Needs-Based Model of Reconciliation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, vol. 94, no. 1, pp. 116–132.
10. Rössner D. Mediation und Strafrecht. In Stempel D. (Hrsg.). *Mediation für die Praxis: Recht, Verfahren, Trends*. Berlin, 1998. S. 42–54. (In German).

11. Hofinger V., Neumann A. *Legalbiografien von neustart Klienten: Legalbewährung nach Außergerichtlichem Tatausgleich, Gemeinnütziger Leistung und Bewährungshilfe: Forschungsbericht*. Wien, Instituts für Rechts und Kriminalsoziologie, 2008. 80 S.
12. Prais Marti. Can justice result from mediation? *ADR Report*, October 29, 1997. Available at: <http://docplayer.ru/424884-Mozhet-li-pravosudie-vozniknut-v-rezultate-mediacii.html>.
13. Netzig L. «*Brauchbare*» *Gerechtigkeit. Täter-Opfer-Ausgleich aus der Perspektive der Betroffenen*. Hannover, Forum Verlag Godesberg, 2000. 182 S.
14. Arkhipkina A.S. Mediation as a method of protecting the rights and liberties of man and citizen. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i pravo = Bulletin of the Buryat State University. Economics and Law*, 2011, no. 2, pp. 287–288. (In Russian).
15. Janke M. *Der Täter-Opfer-Ausgleich im Strafverfahren. Zugleich ein Beitrag zu einer kritischen Strafverfahrenstheorie*. Saarbrücken, Verlag Dr. Kovac, 2004. 156 S.
16. Schütz H. Die Rückfälligkeit nach einem Außergerichtlichen Tatausgleich bei Erwachsenen. *Österreichische Richterzeitung*, 1999, no. 77, S. 161–166. (In German).
17. Trenczek T. Mediation und Täter-Opfer-Ausgleich. Wesensmerkmale und fachliche Standards. *Zeitschrift für Konfliktmanagement*, 2016, no. 1, S. 4–8. (In German).
18. Nekrasov S.Yu. Judicial discretion as the duty of the judge. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2016, no. 11, pp. 51–55. (In Russian).
19. Smirnova I.G. *Sotsial'naya tsennost' ugolovnogo sudoproizvodstva* [The Social Value of Criminal Court Procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филатова Ульяна Борисовна — профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: filatova.uljana82@gmail.com.

Архипкина Анастасия Сергеевна — доцент кафедры конституционного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: Nsakharova@yandex.ru.

Некрасов Сергей Юрьевич — доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: vip.nekrasov1963@mail.ru.

Архипкин Игорь Валерьевич — профессор кафедры теории государства и права и социально-правовых дисциплин Юридического института Байкальского государственного университета, доктор экономических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: arhipk@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Филатова У.Б. Медиация в уголовном процессе: анализ правового регулирования в Федеративной Республике Германия / У.Б. Филатова, А.С. Архипкина, С.Ю. Некрасов, И.В. Архипкин // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 824–832. — DOI: [10.17150/2500-4255.2017.11\(4\).824-832](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).824-832).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Filatova, Uliana B. — Professor, Chair of International and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University, Doctor of Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: filatova.uljana82@gmail.com.

Arkhipkina, Anastasiia S. — Ass. Professor, Chair of Constitutional Law, Law Institute, Irkutsk State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: nsakharova@yandex.ru.

Nekrasov, Sergey Yu. — Ass. Professor, Chair of Civil Law and Process, Law Institute, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: vip.nekrasov1963@mail.ru.

Arkhipkin, Igor V. — Professor, Chair of the Theory of State and Law and the Socio-Legal Disciplines, Law Institute, Baikal State University, Doctor of Economics, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: arhipk@inbox.ru.

FOR CITATION

Filatova U.B., Arkhipkina A.S., Nekrasov S.Yu., Arkhipkin I.V. Mediation in criminal process: the analysis of legal regulation in the Federal Republic of Germany. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 824–832. DOI: [10.17150/2500-4255.2017.11\(4\).824-832](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).824-832). (In Russian).